

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

Р.А. САДЫКОВ

ДРУГИЕ ВРАЧИ: ПУТИ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МЕДИЦИНЫ

**ТРАДИЦИОННАЯ МЕДИЦИНА: ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА
ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ / ПОД РЕД. Е.Р. ЯРСКОЙ-СМИРНОВОЙ.
М.: ВАРИАНТ; ЦСПГИ, 2011. 212 с.**

Интерес к альтернативной медицине связан с увеличением сектора её услуг, интеграцией ряда её направлений в мейнстримную медицину (на фоне общей либерализации общественных институтов) и, не в последнюю очередь, с широкой критикой сложившихся в современном индустриальном мире форм социальной помощи, обнаживших недостатки современного здравоохранения [6]. Активно исследуются статус альтернативной медицины в системе здравоохранения, социальные аспекты определения валидности и безопасности её методов лечения [1, 7], факторы, структура и динамика спроса на соответствующие услуги [9], профессионализация специалистов в альтернативной медицине, а также особенности их взаимоотношений с сообществом врачей-ортодоксов [2, 5, 8]. В фокусе внимания находятся три основных взаимодействующих актора: пользователи услуг альтернативной медицины, обычные и альтернативные врачи — разумеется, с учетом регулятивного контекста их взаимодействий.

Интерес российских ученых к альтернативной медицине сформировался на почве социальных и экономических реформ 1990-х гг., когда с ослаблением административных барьеров появились условия для профессионализации врачей альтернативной медицины и выделения их в социально-профессиональную группу. Исследовательский

Садыков Радик Ахмедович — аспирант кафедры социально-экономических систем и социальной политики НИУ ВШЭ.

Адрес: 109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Электронная почта: radik.a.sadykov@gmail.com

проект «Динамика социального и профессионального статуса специалистов традиционной медицины в России»¹ — одна из первых попыток систематически проанализировать статус альтернативной медицины в российском обществе; его результаты легли в основу рецензируемой монографии, написанной на материале фокус-групп, контент-анализа журналов «Врач» и «Здоровье», глубинных интервью с представителями альтернативной медицины и «обычными» врачами. В фокусе анализа — производство индивидуального и группового социального и профессионального статусов представителями альтернативной медицины во взаимодействии с другими значимыми акторами, процесс интеграции альтернативной медицины в официальную систему здравоохранения.

В качестве теоретико-методологических оснований авторы опираются на отечественные исследования профессиональных групп и концептуальные модели западной социологии профессий и социальной стратификации. Ссылаясь на опыт западных коллег, исследователи в основном придерживаются неовевебрианских методологических рамок анализа, характерных для англо-саксонской традиции изучения профессий; в частности, используют триаду социальных акторов «государство — профессионалы — клиенты», взаимодействующих в условиях рыночной экономики. Однако в интерпретации различных проявлений неравенства в иерархизированном пространстве медицинских профессий, видов занятости, должностей и специализаций, ведущих к конфликтам между профессионалами в медицине и вскрывающих маргинализированный статус альтернативной медицины, мы видим, как неовевебрианский подход тесно переплетается с критической ориентацией, специфичной для неомарксистской социологии профессий. Собственно, с критического обсуждения маргинального и противоречивого статуса альтернативной медицины в отечественном здравоохранении и начинается первый раздел монографии «Динамика статуса традиционной медицины в России: исторический ракурс». Раздел посвящен проблемам определения понятий и отношению государства и ортодоксальных медиков к альтернативной медицине.

Указывается, что различия между конвенциональной / регулярной / научной / биомедициной, с одной стороны, и неконвенциональной / непризнанной / альтернативной / холистической медициной, с другой стороны, зависят от символического и институционального контекстов в каждой отдельной социокультурной среде. Например, в России

¹ Данный проект реализован совместно сектором социологии профессий и профессиональных групп Института социологии РАН и Центром социальной политики и гендерных исследований, кафедрой социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета в период с 2005 по 2007 гг.

официально используется термин «традиционная медицина», который авторы считают идеологически окрашенным, поскольку он может интерпретироваться в терминах противопоставления «научно обоснованной» ортодоксальной медицины медицине «ненаучной», неортодоксальной (с. 15).

Авторы сознательно отказываются от единой терминологии и в зависимости от контекста используют термины «традиционная», «альтернативная» и «народная» как равнозначные, но при этом все же указывают на неравный объем понятий народной и альтернативной медицины. К последней относится большое количество терапевтических практик, в том числе и собственно народные (или традиционные) методы целительства. Отсутствие согласия по поводу единого термина для обозначения неортодоксальных медицинских практик препятствует систематическому использованию дифференцирующих классификаций и выявлению релевантных российской действительности моделей и уровней взаимодействия двух систем².

Далее авторы рассматривают динамику отношения официальной медицины к альтернативной. Указывается, что возросший спрос на услуги альтернативной медицины в СССР во второй половине 1980-х гг., как и в ряде западных стран двадцатью годами ранее, был связан, главным образом, с трансформацией социокультурных ценностей в обществе. На Западе интерес к альтернативной терапии сформировался в контексте социальных перемен конца 1960-х – начала 1970-х гг., сопровождавшихся широким распространением в обществе леворадикальной идеологии и появлением контркультуры в ее широком понимании как совокупности альтернативных норм, ценностей и стилей жизни.

Действия радикально настроенных интеллектуалов, апеллирующих к широким слоям населения, главным образом к молодежи, привели к появлению медицинской контркультуры (medical counterculture) [8]. Понятно, что её представители критически относились к доминирующей медицинской системе, обвиняя ее в излишней бюрократичности и идеологизированности дискурсивных практик. Подобный процесс наблюдался во второй половине 1980-х гг. в СССР, где аналогичное движение, возникшее в узких кругах интеллигенции,

² Например, М. Вейзе с коллегами выделяют три концептуальные схемы интеграции комплементарной и альтернативной медицины (САМ) в мэйнстриме медицины — инкорпорацию, интеграцию и плюрализацию, которые определяют различные уровни и модели взаимодействия двух терапевтических систем [10]. Данная схема позволяет эффективно распознать историческую и социокультурную специфику статуса каждого отдельного вида терапии из числа САМ и открывает возможности для различного рода сопоставлений.

быстро становилось массовым, в том числе и на фоне кризиса медицинской отрасли, не в последнюю очередь связанного с острой нехваткой медицинского оборудования. Авторы указывают, что интерес в России к альтернативной медицине органично вписался в новый социальный тренд, связанный с появлением различных групп самопомощи и обращением к безмедикаментозному лечению натуральными лекарственными препаратами (с. 23).

Далее на основе данных исследования INTAS (проведенного Институтом социологии РАН, см. с. 30) раскрывается специфика отношений между официальной и альтернативной медициной. Оказывается, в этих отношениях нет явного антагонизма, напротив, многие врачи-«ортодоксы» готовы к сотрудничеству с альтернативными врачами. Многие из них, независимо от типа специализации и места в профессиональной иерархии, сами прибегают к использованию методов альтернативной терапии, что позволяет авторам говорить о позитивном сдвиге в отношениях между ортодоксальной и альтернативной медициной.

Тем не менее, социальный статус целителей в современной России по-прежнему характеризуется амбивалентностью, что демонстрируется представленным в разделе «Социальная идентификация народных целителей» анализом дискурсивного поля научно-популярной периодики за 1990-е и 2000-е гг. Здесь рассмотрены паттерны репрезентации и самоидентификации народных целителей и народной медицины в условиях современного российского провинциального города, а также в контексте мировых процессов интеграции медицинских систем.

Авторы выделяют пять сегментов дискурсивного поля, представленных в репрезентациях различных авторов и изданий: (1) народная, укорененная специфика («Старый казачий способ», «Из старинных учебников», «Тайные заговоры») в отличие от (2) официальной, обращенной к истории легитимации народной медицины («Исторический опыт фитотерапии», «Лекарства и травы: союзники или противники», «Хирургия в китайской медицине»), (3) осуждение народной медицины, (4) репрезентации социальных статусов народных целителей и практик потребления услуг различными группами населения. Последний сегмент (5), названный авторами «История болезни» содержит репрезентации переживаний целителей в виде диагностики их психических состояний; эта дискурсивная модель характеризует целителей и их клиентов как людей с психиатрическими отклонениями.

Авторы рассматривают зависимость паттернов социальной идентификации и самоидентификации целителей от того, какое место применяемые ими практики занимают на континууме «профессиональное — народное». По мнению исследователей, «народность» как принадлежность к традиции, природе, неформализованному знанию в

противоположность сциентистски рациональной и инновационной городской культуре оказывается тем компонентом культурного капитала, который в сложившихся условиях конвертируется в капитал экономический и социальный. Для целителей характерен дискурс хранителей особого знания, закрытого от непосвященных, что одновременно лишь подчеркивает их маргинальный статус (с. 86).

На наш взгляд, в таком подходе не хватает критического анализа, который можно было бы реализовать, рассматривая дискурс как средство профессиональной власти, используемое в борьбе за обладание легитимным статусом [3]. В рамках данной перспективы основным препятствием на пути легитимации практик комплементарной и альтернативной медицины является преобладание сциентистски ориентированного биомедицинского дискурса (знания), обеспеченного официальным признанием. Иначе говоря, профессиональный дискурс, реализуемый посредством определенного набора профессиональных знаний, часто ограничивает возможности интеграции комплементарной и альтернативной медицины в систему конвенционального здравоохранения. Врачи, практикующие неортодоксальную терапию, чтобы отстоять правомерность своих методов лечения, вынуждены отходить от своих «незападных» теоретических рамок и реинтерпретировать свои методы в терминах конвенционально принятого в настоящее время биомедицинского и психологического знания [4]. Это положение хорошо проиллюстрировали С. Кант и У. Шарма на примере британских гомеопатов [2].

Следующий раздел «Эксперты о перспективах интеграции медицинской системы» представляет анализ мнений экспертов, относящихся к числу ортодоксальных медицинских профессионалов, занимающих позиции администраторов и чиновников. В нем исследуются оценки экспертами состояния здравоохранения, их отношение к различным видам альтернативной медицины, критерии, которыми руководствуются эксперты при отнесении конкретного метода лечения к альтернативной медицине, взаимоотношения экспертов с альтернативными врачами и формы сотрудничества, случаи использования экспертами неортодоксальной медицины на практике, экспертные оценки спроса на услуги альтернативной медицины, их доступности для населения и перспективы дальнейшего развития неортодоксальной медицины. В целом, эксперты проявили терпимое отношение к практикам неортодоксальной медицины при условии, что они осуществляются под контролем и сами практикующие имеют необходимые знания и опыт.

В разделе «Альтернативные врачи: профессионализация, идентичность и социальные взаимодействия» авторы знакомят с мнениями специалистов альтернативной медицины по широкому кругу вопросов,

от инициации в профессию и возможностей занятости до отношений с пациентами и коллегами. Анализ жизненных историй представителей альтернативной медицины дает информацию о наиболее типичных способах овладения профессией и достижения профессионального статуса. Внимание авторов привлекают такие аспекты, как характер взаимоотношений специалистов альтернативной медицины с клиентами и коллегами из медицинской отрасли, организация рабочего места, способы сертификации, интенсивность спроса на услуги и характер обращений за помощью, распорядок дня и сезонные различия в работе альтернативных врачей.

В заключительном разделе монографии обосновывается противоречивая оценка взаимодействия альтернативной медицины с государством и представителями официальных органов здравоохранения. В частности, указывается, что большинство альтернативных практик лечения не компенсируется из Фонда обязательного медицинского страхования. Подчеркивается, что одна из значимых причин обращения к альтернативной медицине — неудовлетворенность объемом времени, которое отводится на приеме у традиционного врача, в результате чего многих пациентов часто не информируют о диагнозе, природе их заболеваний и прогнозе лечения. Клиентов привлекает и то, что альтернативные врачи обычно применяют натуральное и неинвазивное лечение, придерживаются холистического подхода в лечебной практике и стимулируют участие пациента в процессе лечения.

Главный недостаток позиции авторов, на наш взгляд, — в отсутствии четкого определения исследуемого объекта, что препятствует рассмотрению специфики отдельных неортодоксальных медицинских практик во взаимопересечении их статусов и построению на этой основе значимых обобщений. Синонимичное использование терминов «традиционная», «народная», «альтернативная» не выглядит оправданным: ни одно из этих понятий в отдельности не способно аккумулировать в себе все разнообразие практик неортодоксальной медицины. Кроме того, терминологическая неопределенность делает невозможной систематическую классификацию обозначаемых практик неортодоксальной медицины. Эта неопределенность дает о себе знать на протяжении всего чтения: вынесенный в заглавие термин «традиционная», по крайней мере в российском и западноевропейском контекстах, слабо связывается с такими терапевтическими практиками, как гомеопатия, рефлексотерапия, мануальная терапия, которым в монографии посвящен наиболее подробный анализ.

В целом, в книге представлен широкий материал для осмысления сложного и противоречивого статуса традиционной медицины в России. Разнообразные данные, собранные большим научным коллективом, могут быть интересны специалистам в области социологии, антропологии, этнографии, преподавателям соответствующих дисциплин и медицинским работникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bloom B.S., Retbi A., et al.* Evaluation of randomized controlled trials on complementary and alternative medicine // *International Journal of Technology Assessment in Health Care*. 2000. Vol. 16. No. 1. P. 13–21.
2. *Cant S., Sharma U.* Demarcation and transformation within homoeopathic knowledge: A strategy of professionalization // *Social Science and Medicine*. 1996. Vol. 42. No. 4. P. 579–588.
3. *Foucault M.* *Naissance de la clinique: Une archéologie de regard médical*. Paris: Presses Universitaires de France, 1963.
4. *Hess D.* *Science and technology in a multicultural world*. New York: Columbia University Press, 1995.
5. *Hollenberg D.* Uncharted ground: Patterns of professional interaction among complementary/alternative and biomedical practitioners in integrative health care settings // *Social Science and Medicine*. 2006. Vol. 62. No. 3. P. 731–744.
6. *Illich I.* *Medical Nemesis*. London: Calder & Boyars, 1974.
7. *Kelner M.J., Boon H., et al.* Complementary and alternative groups contemplate the need for effectiveness, safety and cost-effectiveness research // *Complementary Therapies in Medicine*. 2002. Vol. 10. P. 235–239.
8. *Saks M.* *Orthodox and alternative medicine: Politics, professionalization and health care*. London: Sage; Continuum, 2003.
9. *Siahpush M.* A critical review of the sociology of alternative medicine: Research on users, practitioners and the orthodoxy // *Health*. 1999. Vol. 4. No. 2. P. 159–178.
10. *Wiese M., Oster C., Pincombe J.* Understanding the emerging relationship between complementary medicine and mainstream health care: A review of the literature // *Health*. 2010. Vol. 14. No. 3. P. 326–342.